

«МЕРТВЫЙ ЯЗЫК» КАК СРЕДСТВО ВОСКРЕШЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ «ДРУГОГО» В РОМАНЕ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

Н.С. Шуринова

Аннотация. Статья посвящена специфике архаических языковых элементов в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр», с помощью которых автор моделирует картину мира древнерусского субъекта и сближает ее с мировоззрением и опытом современного читателя. Мы исходим из особого отношения автора к обработке и репрезентации исторического материала, отмеченного отечественными критиками (Е. Биргер, Е. Вежлян, Т. Морозовой). Однако для более детального анализа художественных особенностей текста Водолазкина актуально обращение к иноязычному компоненту произведения, посредством которого автор и реализует собственный подход к изображению прошлого. Близость Водолазкина идеям Д.С. Лихачева говорит о том, что вставки имеют метафизический смысл: при помощи «мертвого языка» автор «воскрешает» субъективность «другого» с тем, чтобы позволить читателю преодолеть свою ограниченность историческим моментом и воспринять роман в перспективе вечности. В ходе работы мы используем введенный С.Г. Николаевым термин «билингвема», который дает возможность рассматривать функциональную нагрузку языковых элементов в тексте романа. Под «мертвым языком» мы понимаем условный авторский вариант древнего языка, опознаваемый читателем как иноязычие. Проведенный анализ позволяет заключить, что использование «мертвого языка» в «Лавре» в виде этимологических справок, языковой игры, оригинальных цитат прописывает диалог между древнерусской и современной культурами, сближает агиографическую и романную личность.

Ключевые слова: Водолазкин, «Лавр», современный роман, старославянский язык, древнерусский язык, билингвема, стилистический анализ, литературный билингвизм.

“AN EXTINCT LANGUAGE” AS A TOOL FOR RESSURECTION OF “THE OTHER’S” SUBJECTIVITY IN THE NOVEL “LAVR” BY E.G. VODOLAZKIN

N.S. Shurina

Abstract. This article considers the specific usage of archaic language elements in the novel “Lavr” by E.G. Vodolazkin. With their help the author creates the worldview of an old Russian person and pulls it together with the experience and world outlook of a modern reader.

The analysis proceeds from assumption that the author has a distinct approach to adaptation and representation of the historic material, which is noted by a number of Russian critics (E. Birger, E. Vejlyan, T. Morozova).

However, with the aim of analysis of the creative means in the Vodolazkin’s text it may be valid to approach the linguistic component of the work. With its help the author approaches the past. Vodolazkin’s closeness to the ideas of D.S. Lihachev suggests that insertions may have metaphysical meaning. By means of the extinct language the author resurrects subjectivity of “The Other” to allow the reader to overcome his restraint by a historical moment and to perceive the novel in the prospect of eternity.

The term *bilingueme*, introduced by S.G. Nikolaev, is used in this article to consider functional loading of language elements in the novel’s text. By “an extinct language” we mean a specific author’s version of the ancient language, interpreted as a foreign one by a reader. The undertaken analysis allows to conclude, that the extinct language in “Lavr”, which can be found in the form of etymological references, language-games and original quotes, creates the dialogue between the old Russian and contemporary cultures, brings hagiographic and fictional personalities together.

Keywords: Vodolazkin, “Lavr”, contemporary novel, Old Slavonic language, Old Russian language, *bilingueme*, stylistic analysis, literary bilingualism.

Shurina Natalia S., Master of Philology, Postgraduate Student of Theory and History of World Literature Department, Institute of Philology, Journalism and Cross-cultural Communication, Southern Federal University, 93, Universitetskiy Lane, Rostov-on-Don, 344006, Russia, interjectio@yandex.ru.

В центре нашего внимания – роман Е.Г. Водолазкина «Лавр» и проводимая в нем при помощи употребления определенной лексики реконструкция миропонимания древнерусского субъекта.

Удостоенный в 2013 году премии «Большая книга», «Лавр» сразу же вызвал многочисленные споры среди критиков и ученых. Одним из дискуссионных вопросов остается жанровая специфика «Лавра», обусловленная особым подходом автора к историческому материалу. Сам Водолазкин определяет свою работу как «неисторический роман». Е. Биргер предлагает понимать предложенный жанр как частную разновидность романа исторического, подчеркивая при этом, что историчность у Водолазкина проявляется в том, что писатель связывает средневековые ценности с современностью, делает их актуальными: «перенасыщенное чудесами Средневековье отражается и в нашем времени» [Биргер, 2013].

Е. Вежлян же считает заявленный автором жанр основой для понимания всего произведения. Для исторического романа необходима «соприродность» исторического и нарративного времен: причиной вымышленных событий рассказываемой истории становятся события исторические. У Водолазкина история лишена своего объективного статуса, становясь частью субъективного опыта отдельной личности: «Прошлое в историческом романе – то, что происходит с другими, превращалось в прошлое переживаемое – то, что происходит со мной» [Вежлян, 2013]. Историческая реконструкция, которую он осуществляет в «Лавре», сводится к исследованию иной субъективности: «Автор показывает героев как “других”, как людей иной повседневности, с иным ощущением пространства, времени, собственного тела. Причем это инаковость не на концептуальном, а на культурно-бессознательном уровне» [Вежлян, 2013]. На таком понимании жанра настаивает и Т. Морозова: «“Лавр” действительно не исторический роман, а скорее внеисторический» [Морозова, 2013].

Однако заметим, что роман сложен и интересен не только в жанровом, но и в лексико-стилистическом отношении. В тексте используются русский и древнерусский языки с вкраплениями старославянской лексики, встречаются различные языковые пласты: сленг, канцелярит. Как мы полагаем, основным средством, при помощи которого Водолазкин реконструирует прошлое, являются архаические языковые элементы. Поэтому актуален анализ стилистических особенностей романа, а именно отображенного в нем литературного билингвизма автора.

Отметим, что использование древнерусского языка для создания экспрессивно-стилистических эффектов – актуальное явление в современной литературе. Л.В. Зубова в своей книге «Современная русская поэзия в контексте истории языка» говорит о реконструкции средневекового мышления в современных текстах: авторы не просто используют застывшие фразеологические обороты, но воссоздают звучание слов, древние синтаксические конструкции, через которые выражается логика архаического миропонимания [Зубова, 2000].

Творчество Водолазкина интересно тем, что автор является одновременно специалистом по древнерусской литературе, долгое время занимающимся изучением и переводом средневековых рукописей, и автором романа о Древней Руси. В одном из интервью он оценивал роль языка как способа погружения в иное время: «Церковнославянский никак не существует в нашей жизни, а присутствие его очень важно, потому что оно создает глубину времени. Когда человек одномерен и живет только в здешнем пространстве и времени, он очень многое теряет. А этот язык несет с собой совсем другое время <...> Получается такая машина времени – уходишь в другой мир, и этот уход, это ощущение другого мира, который устроен совершенно иначе, чем нынешний» [Логина, 2015]. Таким образом, язык играет для писателя роль философско-эстетического, филологического и культурологического инструмента: языковая система и ее особенности воссоздают целостный древнерусский контекст.

К сказанному можно добавить, что Водолазкин, являясь учеником Д.С. Лихачева, основывается на идее временной разомкнутости. Лихачев утверждал, что любая форма художественного времени, которую можно встретить в произведениях словесного искусства, – это своеобразная форма борьбы со временем физическим: произведение стремится к созданию иного времени, исключая его из реального исторического момента. От исхода этой борьбы зависит судьба любого литературного текста: он либо становится частью истории и впоследствии забывается, либо же ему удается преодолеть «временность» и войти в «вечность» [Лихачев, 1979]. Такой представляется и судьба отдельного человека: преодолевая собственную ограниченность моментом, он реализует свое стремление к времени вечности. Поэтому смешение языков в романе может рассматриваться не только в культурно-антропологической, но и метафизической перспективе: как средство воскресить субъективность исторического «Другого», сблизить с субъективностью современной и с помощью этого «межвременного диалога» мертвого и живого добиться изображения вечности.

При изучении стилистики «Лавра» как двуязычного текста нам представляется целесообразным использование введенного С.Г. Николаевым термина «билингвема», под которым понимается «минимальная внеуровневая единица выражения, чье присутствие делает речь художественную в том числе, двуязычной, то есть билингвизирует ее» [Николаев, 2006, с. 6]. Такая конкретизация делает возможным рассмотрение иноязычия как смыслопорождающего приема: в ткани произведения билингвема выступает в роли значимого и неотторжимого компонента, организующего смысл и целостность художественного высказывания. В статье мы рассмотрим особенности функционирования билингвем в романе, присутствием которых и обеспечивается, на наш взгляд, эффект «внеисторичности» повествования, коммуникации между временами.

Однако необходимо обозначить, что понятия «церковнославянский и древнерусский язык» применительно к роману в устах самого автора обладают определенной долей условности. Можно говорить о специфическом «водолазкинском» варианте

древнего языка, используемого в художественных целях. В роли билингвемы в тексте выступают как устаревшие слова и словоформы собственно русского (древнерусского) языка, так и иноязычные по происхождению лексические единицы старославянского и церковнославянского. В связи с тем, что определенный фонд устаревшей лексики русского языка, как и пласт старославянизмов, в современном художественном тексте выполняет стилистическую функцию (реконструкция миропонимания и реалий жизни древнерусского человека), воспринимаясь носителем русского языка как своего рода инородные вкрапления («из старины»), в рамках нашей статьи условимся рассматривать в качестве билингвем как собственно элементы другого языка (старославянская лексика), так и архаическую лексику (древне)русского, опознаваемые сегодня как условное «иноязычие». Так, принимая во внимание вышесказанное, представляется возможным по отношению к данной лексике в рамках нашей статьи использовать в качестве обобщающего наименования термин «мертвый язык».

Если мы обратимся к тексту «Лавра», то заметим, что специфические слова-историзмы, репрезентирующие древнерусский колорит и бытовые подробности описываемой эпохи, в тексте встречается нечасто. Более того, такие слова автор выделяет курсивом: «Нижняя была нарядной и светлой. Верхняя и нижняя части избы разделялись *полавочниками* – широкими досками, на которые ссыпалась сверху сажа» [Водолазкин, 2012, с. 28]. Это подтверждает несовпадение с классическими принципами исторического романа: задачей автора является не сохранение достоверности, но ориентация на современного читателя, который нуждается в комментировании экзотических терминов. Автор дает их в пояснительных конструкциях в самом тексте, а не выносит в сноски и приложения.

По сравнению с предметно-бытовой стороной гораздо более значим аспект понятийный: писатель стремится скорее воскресить субъекта и логику, при помощи которой он интерпретирует реальность, а не представить объективную картину прошлого. Введение к основному тексту писатель называет «Пролегоменой», акцентируя его разъясняющий характер. Здесь Водолазкин характеризует своего главного героя через его профессиональную принадлежность и рассуждает об этимологии слова «врач»: «Предполагают, что слово врач происходит от слова врати – заговаривать. Такое родство подразумевает, что в процессе лечения существенную роль играло слово. Слово как таковое – что бы оно ни означало. Ввиду ограниченного набора медикаментов роль слова в Средневековье была значительнее, чем сейчас. И говорить приходилось довольно много» [Водолазкин, 2012, с. 3]. В этимологическом словаре русского языка М. Фасмера также фиксируется данная связь: слово «врач» соотносится со старославянским *врачь*, болгарским *врач* («колдун»), сербохорватским *врач* («прорицатель»), словенским *vráč* («врач»): «Эти слова производят от врать и ворча́ть. В таком случае первоначальное значение – “заклинатель, колдун”» [Фасмер, 1986].

Только после такой справки становится понятной и необычность Арсения как врача, который был не просто «заговаривателем» болезней, но обладал

целительным даром, мог лечить наложением рук и не нуждался в привычном инструменте любого врача – слове. Символом этой таинственной способности стала молчаливость: «Особенность человека, о котором идет речь, состояла в том, что он говорил очень мало. <...> Он обводил присутствующих внимательным взглядом, и его безмолвие передавалось собравшимся. Толпа замирала на месте. Вместо слов из сотен открытых ртов вырывались лишь облачка пара. Он смотрел, как они таяли в морозном воздухе» [Водолазкин, 2012, с. 4].

Можно заключить, что при помощи введения билингвемы «врати», реконструирующей древнюю связь «говорения» со знакомым современнику понятием, читателю предлагается поменять свое представление о «враче» на то понимание, которое вкладывал в него человек Древней Руси, и уже с этой позиции воспринять главного героя и его историю. С помощью билингвемы автор восстанавливает содержание концептосферы древнерусской культуры.

Симптоматично и то, что именно связь «врач-врати» вводит нас в древнерусское пространство. Слово «врач» присутствует в современном русском («врач»), церковнославянском («врачь») [Дьяченко, 1900, с. 100], древнерусском («врачь») [Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), 1988] и старославянском («врачь») [Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков), 1994, с. 123]. Следовательно, уже здесь можно говорить не только о реконструкции, но и о прорисовке связи между прошлым и настоящим, демонстрируемой при помощи языковых данных. Эта межъязыковая связь актуальна на протяжении всего текста. Водолазкин подчеркивает, что при создании романа «старался брать лексику, общую для древнерусского языка и современного» [Курчатова, 2014]. Поэтому читатель не испытывает трудностей при восприятии, не нуждается в специальных филологических познаниях, словарях: автор показывает, что древнерусские культурные смыслы уже присутствуют в его сознании на интуитивно-бессознательном уровне.

Однако ярче реконструкция отражается в языковых играх, проявляющихся в том, что автор переходит с одного языка на другой в определенных ситуациях. В первой главе романа вместе с мальчиком Арсением читатель познает средневековый мир и приобщается к его религиозной культуре. На архаическом языке звучат наставления деда Арсения Христофора:

«В звездную октябрьскую ночь Христофор повел мальчика на луг и показал ему схождение твердей – небесной и земной:

В начале сотвори Господь небо и землю. Того ради сотвори, дабы не мнели человеци, яко без начала суть небо и земля. И разлучи Бог межи светом и тьмою. И нарече Бог свет день, а тьму нарече ночь» [Водолазкин, 2012, с. 26].

Но неожиданно в эти объяснения проникает современный взгляд, речь персонажа билингвизируется: «И сотвори Бог солнце на просвещение дня, а луну и звезды на просвещение ночи.

Велики ли светила, спросил мальчик.

Да в общем... Христофор наморщил лоб. Окружность Луны составляет сто двадцать тысяч стадий, а окружность Солнца – приблизительно, конечно, – три миллиона стадий. Это они только кажутся маленькими, но настоящие их размеры трудно себе даже представить. Взыди на гору высоко и воззри на поле. Тамо пасома стада не яко ли мравие мнятся зраку твоему? Тако и светила» [Водолазкин, 2012, с. 26–27].

Отметим, что в контексте данного эпизода иноязычным компонентом можно считать именно разрывающую древнерусский диалог реплику на современном языке, иноприродном разговору о Боге. Благодаря такому ответу Христофора фокус резко меняется, переходя от религиозного мировидения к научному, затем снова возвращаясь к религиозному. Этот переход подкрепляется сменой языков. Симптоматично, что годом рождения Арсения в романе называется 1440 от Рождества Христова, а годом изобретения телескопа считается 1608. По сюжету у Христофора был дар предвидения, иначе он никак не мог обладать столь нехарактерными для его времени астрономическими познаниями. Современный взгляд на наивные средневековые воззрения ироничен, однако в столкновении научного и религиозного миропонимания побеждает все же религиозное: современные данные органично встраиваются в древнюю логику и становятся еще одним подтверждением величия Господа, разница между древнерусским религиозным субъектом и сегодняшним человеком науки становится несущественной.

Современный читатель получает возможность сопоставить свой опыт с древнерусским и в пересказе ключевых христианских сюжетов. Сцена, в которой Христофор рассказывает Арсению о Соломоне и Китоврасе, в романе выглядит так:

«Когда Китовраса вели к Соломону, он увидел человека, покупавшего себе сапоги. Человек захотел узнать, хватит ли этих сапог на семь лет, и Китоврас рассмеялся. Идя далее, Китоврас увидел свадьбу и расплакался. И спросил Соломон у Китовраса, почему он смеялся.

Видех на человеке сем, сказал Китоврас, яко не будет до седми дний жив.

И спросил Соломон у Китовраса, почему он плакал.

Сжалихся, сказал Китоврас, яко жених той не будет жив до тридцати дний.

Однажды мальчик сказал:

Я не понимаю, почему смеялся Китоврас. Потому что знал, что этот человек воскреснет?

Не знаю. Не уверен.

Христофор и сам чувствовал, что лучше бы Китоврасу было не смеяться» [Водолазкин, 2012, с. 21].

Билингвемами здесь являются цитируемые слова Китовраса, а событийная часть передана средствами современного языка. Апокрифическое сказание узнаваемо и сегодня, однако в ином культурном контексте оно теряет свое сакрально-религиозное звучание. Составляющий ее кульминацию ответ Китовраса Соломону поэтому написан с сохранением древнего облика фраз. Заданный по-русски вопрос Арсения актуален и для наших дней. Он подчеркивает непреодолимость смерти, придает эпизоду современное экзистенциальное звучание.

Сама смерть может осмысляться в романе в рамках различных категорий, что также выделяется посредством билингвизации художественной речи. При помощи иноязычия определенная ситуация встраивается и древнерусский контекст и переживается в нем. Так, смерть Христофора, представленная как мирная кончина, логичное завершение жизненного пути и переход в вечность, воссоединение с Богом, в репликах персонажа звучит на мертвом языке:

«Декабрьским утром 1455 года Христофор, вопреки обыкновению, не покинул постели. Он приподнялся и сел на ней, но двигаться дальше сил у него не было. Пришедшим к нему по некой надобности Христофор сказал:

Не глагольте ми мирская, яко боле не имам части с живыми. Расслабишася ми уды, и не возвещает се ничтоже, разве скорыя смерти и Суда Страшного Спасова будущаго века.

И пришедшие ушли» [Водолазкин, 2012, с. 56].

В то же время гибель родителей Арсения во время чумы и их слова передаются на русском, так как это смерть неестественная, трагичная, резонирующая с травматическим опытом XX столетия:

«Мы уже умерли, сказал голос. И непричастны живым. Не входи, чтобы Арсений выжил.

Христофор остановился. Он слышал, как пульсирует на виске вена, и понимал, что сын говорит правду» [Водолазкин, 2012, с. 23].

В целом, связанность архаических элементов с определенными темами объясняется комментарием самого Водолазкина: «Есть то, о чем легче говорить в древнерусском контексте. Например, о Боге. Мне кажется, связи с Ним были прямее» [Рычкова, 2010]. При помощи иноязычных компонентов меняется ракурс рассмотрения описываемых в романе внеисторических проблем, которые преломляются в оптике теологического мировоззрения. Таков смысл предпринятого автором восстановления истории: вернуться к средневековой религиозности и пережить этот опыт как современный.

Интересно и то, что сам главный герой «Лавра» предстает одновременно как агиографическая личность и как частное лицо современного романа. Эту особенность отмечает А. Балакин: по мнению критика, ключом к пониманию произведения является то, что оно представляет собой «житие, написанное в форме романа» [Балакин, 2013]. Билингвемы выделяют житийно-канонические элементы в истории Арсения. С этой точки зрения любопытно взглянуть на молитву героя у Гроба Господня:

«Зде помяну стражника Власия, иже положи живот свой за други своя. Грехи Власия я обещал ему исповедать пред Тобою, сам же он лежит в польской земле в ожидании всеобщего воскресения. Покой, Спасе наш, с праведными преждедеченных раб Твоих и сих всели во двory Твоя, якоже есть писано, презирая, яко благ, прегрешения их вольная и невольная и вся, яже в ведении и не в ведении, Человеколюбче. Обращаюсь к Тебе и с главным молением моей жизни, касающимся рабы Твоей Устины. Прошу не по праву мужа ее, ибо я ей не муж, хотя и мог бы им быть, не попадись в сети князя мира сего. Прошу по праву ее убийцы, поскольку мое преступление связало нас в веке сем и грядущем» [Водолазкин, 2012, с. 369].

Как видно в данном отрывке, Арсений говорит на архаическом языке, когда речь идет о встреченных им людях, которых он не смог спасти, и переходит на современный русский язык, доходя до Устины. Деятельность Арсения как целителя вписывается в житийный канон, поэтому связанная с ней часть молитвы произносится на языке древнем. Однако за душу погибшей возлюбленной герой молится уже иначе: эта просьба носит личный характер, она исходит не от прославленного врача и не от святого, а от человека, который сомневается в сделанном ради Устины этическом выборе и в том, что сотворенного им добра достаточно для ее спасения: «Я верю в то, что своей любовью могу спасти ее посмертно, но помимо веры мне нужна об этом хоть капля знания. Так подай же мне, Спасе, хоть какой-нибудь знак, чтобы мне знать, что путь мой не уклонился в безумие» [Водолазкин, 2012, с. 370]. Последняя реплика демонстрирует отхождение не только от житийного принципа бескорыстного служения, но и от веры как таковой, которой сомневающемуся герою оказывается недостаточно.

Во врачебной практике Арсения присутствуют и комичные эпизоды, юмористическое звучание которых создается при помощи стилистической игры с включением билингвем:

«А хочещи ли жити, старче, спросил Арсений.

Хоцю умрети, ответил старик.

Вот он умер давно, а тело его не отпускает, так что же вы держитесь за оболочку, сказал Арсений его родным. То, что вы в нем любили, уже не здесь.

Да оно, как говорится, и заметно, подтвердили родственники, нет в нем прежней душевности. Говоришь ему: многая лета, дедушка. А он: да катитесь вы... Такая жуткая метаморфоза. Но что же нам с ним делать тем не менее?

А ничего не делать, ответил Арсений. Все решится в пределах сорока дней» [Водолазкин, 2012, с. 377].

В данном отрывке создаваемая с помощью смешения языков и стилей ирония лишает целительство Арсения своего таинственно-мистического религиозного ореола и превращается в случай из практики обычного вполне современного врача: здесь автор скорее говорит с нами о проблеме эвтаназии, чем о Боге. Русская речь родственников больного делает маркирующие агиографический контекст иноязычные вставки частью более широкой языковой игры. В результате житийная сцена снижается, выталкивается в частно-бытовое пространство, обмирщается, становится частью современного мира.

Интересно и то, как представлен в «Лавре» феномен юродства: «добровольное сумасшествие» в религиозных целях, сочетающее помешательство и духовную мудрость, связанную с отрешением от мирских забот и аскетическим образом жизни. Юродство в романе также маркируется особенной стихией, помещающей читателя в межкультурное пространство. Разнообразие стилей задает одновременно максимально широкий диапазон времен и мировосприятий, сфер и способов употребления языка. Юродивые в романе провидят, общаются с ангелами и бесами, обладают доступом к тайному знанию и потому пребывают сразу везде.

В их полистилистичной двуязычной речи современный сниженный контекст может подняться до житийного. Пришедший в Псков Арсений встречается юродивого Фому, который объясняет ему принципы распределения территорий, напоминающие конвенцию, учрежденную детьми лейтенанта Шмидта в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Появившийся на другом берегу реки юродивый Карп грозит Фоме кулаком, на что тот отвечает русскими инвективными словами, неожиданно продолжая архаическими угрозами:

«Грзи, говнюк, грзи, прокричал юродивый Фома без злобы. Аще же ты зде единойды обрящу, сокрушу без милости твои члены. Яко исчезает дым, исчезнеши» [Водолазкин, 2012, с. 181].

Можно заключить, что двуязычие в романе Водолазкина «Лавр» обладает особой значимостью. Автор, являясь специалистом в области древнерусской литературы, использует древний язык в качестве инструмента познания иного культурно обусловленного миропонимания, приближает древнерусский мир к современному читателю.

Билингвизируя художественную речь, писатель воскрешает картину мира древнерусского человека и встраивает ее в современную культуру. Реконструируя средневековое теоцентричное мировидение через восстановление концептосферы,

оригинального цитирования и языковых игр, Водолазкин также придает отдельным эпизодам романа созвучное XX веку экзистенциальное звучание, при помощи смешения языков обыгрывает возможность диалога между двумя культурами и преодоления ограниченности временем, единство времен.

Кроме того, архаические элементы маркируют житийную линию романа, полистилистичность снимает различие между сакральным и бытовым, средневековым и современным, агиографической и романной личностью.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Балакин А. «Неисторический роман» о познании, отречении, пути и покое // *Colta.ru*. 2013. URL: <http://archives.colta.ru/docs/13964> (дата обращения: 28.09.2016).

Биргер Е. Отечественный производитель святости // *Газета.Ru*. 21.01.2013. URL: http://www.gazeta.ru/culture/2013/01/21/a_4934437.shtml (дата обращения: 28.09.2016).

Вежлян Е.И. Присвоение истории // *Новый мир*. 2013. № 11. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/11/11v.html (дата обращения: 28.09.2016).

Водолазкин Е.Г. Лавр. М.: Астрель, 2012. 448 с.

Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М.: Тип. Вильде, 1900. 1120 с.

Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 431 с.

Курчатова Н. Интервью с Евгением Водолазкиным // *СПб Собака.ру*. 2014. URL: <http://www.sobaka.ru/city/books/24051> (дата обращения: 28.09.2016).

Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.

Логина М. Евгений Водолазкин: «Наступает эпоха внутренней серьезности» // *Тайга.инфо*. 2015. URL: <http://tayga.info/details/2015/04/22/~120853> (дата обращения: 28.09.2016).

Морозова Т. Евгений Водолазкин. Лавр // *Знамя*. 2013. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/4/m18.html> (дата обращения: 28.09.2016).

Николаев С.Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов: автореф. дис.... д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.01. Ростов н/Д, 2006. 46 с.

Рычкова О. Истина на поводке // *Российская газета*. 2010. Вып. № 5208(129). URL: <http://rg.ru/2010/06/16/pole.html> (дата обращения: 28.09.2016).

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. Р.И. Аванесов. 1988. URL: http://onlineslovari.com/slovar_drevnerusskogo_yazyka_vv (дата обращения: 28.09.2016).

Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М.: Прогресс, 1986.

REFERENCES

- Balakin A. «Neistoricheskij roman» o poznanii, otrenchenii, puti i pokoe [Non-historical novel about cognition, renunciation, way and calmness], in: *Colta.ru*. 2013. URL: <http://archives.colta.ru/docs/13964> (available at: 28.09.2016) (in Russian).
- Birger E. Otechestvennyj proizvoditel' svjatosti [A national producer of the saintliness], in: *Gazeta.Ru*. 21.01.2013. URL: http://www.gazeta.ru/culture/2013/01/21/a_4934437.shtml (available at: 28.09.2016) (in Russian).
- Vezhljan E.I. Prisvojenije istorii [Appropriation of the history], in: *Novyj mir*. 2013. № 11. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/11/11v.html (available at: 28.09.2016) (in Russian).
- Vodolazkin E.G. *Lavr* [Lavr]. Moscow: Astrel' Publ., 2012. 448 p. (in Russian).
- Dyachenko G. *Polnyj tserkovnoslavjanskij slovar'* [Full Dictionary of Church Slavonic language]. Moscow: Tipografija Vil'de, 1900. 1120 p. (in Russian).
- Zubova L.V. *Sovremennaja russkaja poezija v kontekste istorii jazyka* [Contemporary Russian poetry in the context of the history of language]. Moscow: Novoje literaturnoje obozrenije Publ., 2000. 431 p. (in Russian).
- Kurchatova N. Interv'ju s Evgenijem Vodolazkinym [Interview with Eugene Vodolazkin], in: *SPb Sobaka.ru*. 2014 (available at: 28.09.2016) (in Russian).
- Likhachev D.S. *Poetica drevnerusskoj literatury* [Poetics of Old Russian literature]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 360 p. (in Russian).
- Loginova M. Yevgenij Vodolazkin: «Nastupajet epoha vnutrennej ser'joznosti» [Eugene Vodolazkin: "The era of the internal seriousness is coming"], in: *Tayga.info*. 2015. URL: <http://tayga.info/details/2015/04/22/~120853> (available at: 28.09.2016) (in Russian).
- Morozova T. Yevgenij Vodolazkin. Lavr [Eugene Vodolazkin. Lavr], in: *Znamya*. 2013. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/4/m18.html> (available at: 28.09.2016) (in Russian).
- Nikolajev S.G. *Fenomenologija bilingvizma v tvorcestve russkih pojetov* [Phenomenology of bilingualism in the works of Russian poets]: avtoreferat dissertatsii doctora filologicheskikh nauk: 10.02.19, 10.02.01. Rostov-on-Don, 2006. 46 p. (in Russian).
- Rychkova O. Istina na povodke. [A leashed true], in: *Rossijskaya gazeta*. 2010. Issue № 5208(129). URL: <http://rg.ru/2010/06/16/pole.html> (available at: 28.09.2016) (in Russian).
- Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of Old Russian language (XI–XIV centuries)]. Chief editor R.I. Avanesov. URL: http://onlineslovari.com/slovar_drevnerusskogo_yazyka_vv (available at: 28.09.2016) (in Russian).
- Staroslavjanskij slovar' (po rukopisjam X–XI vv.)* [Dictionary of Old Slavonic language (by manuscripts of X–XI centuries)]. Ed. R.M. Zeitlin, R. Vecherka and E. Blagova. Moscow: Russian Language Publ., 1994. 842 p. (in Russian).
- Vasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological dictionary of Russian language]. Moscow: Progress Publ., 2000 (in Russian).